

УДК 821.161.1(091)(075.8)

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛЕТИЯ
В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ
(ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОБЗОРА)**

**RUSSIAN LITERATURE IN THE 18th CENTURY
IN PURSUIT OF HARMONY (A SYSTEMATIC STUDY)**

**Алексей Николаевич Пашкуров
Казанский федеральный университет, Казань, Россия**

**Aleksey Nikolaevich Pashkurov
Kazan Federal University, Kazan, Russia**

Аннотация

В статье русская литературная культура XVIII в. рассматривается в контексте переходных периодов историко-культурного развития. Литературная культура — средоточие диалектических противоречий, способствующих эволюции культуры, истории и общества. Во введении дается комплексный обзор представлений современной западной славистики о диалоге противоречий в литературной культуре России XVIII в. Далее доказывается главенство проблемы соотношения разума и чувства в системе литературных направлений России 1690–1810-х гг. Роль литературной культуры как примирителя в переходные периоды стимулируется идеологией; в ситуации интересующей нас эпохи это — динамическое соотношение концептов Долга и Добродетели.

Ключевые слова: литературная культура, русская литература XVIII в., литературные направления в России конца XVII — начала XIX в., идеологические концепты словесности.

Abstract

The paper studies literary culture of the 18th century in Russia within the framework of transitional periods in history and culture. Literary culture is viewed as the focus on dialectical controversies giving impetus to cultural, historic and societal development.

The data analysis drawn on prior studies gives evidence to suggest that the specifics of literary culture becomes most explicit at a time of transitional periods with moral and aesthetic values changing rapidly along with a certain crisis in people's reflections on history and

contemporary life. Phenomena and processes embedded in the literary culture uncover two interrelated aspects. On the one hand, there is an apparent drift towards contrasts and clashes which is best seen during the watershed and transitional periods. Detailed analysis brings to light conflicting pairs based on the unity and struggle of the opposites principle. On the other hand, the ultimate goal of the literary culture is to suggest ways to coordinate and harmonize these clashes. From this perspective prominence should be given to the literary culture of the 18th century which opens the era of modern time in Russia.

Then the paper provides a comprehensive analysis and review of contemporary western Slavistics' views on the controversies in Russia's literary culture of that time.

The first subject area is represented by works which look into transition in the Russian literary culture of the 18th century by defining its mainstream and marginal elements. The second cluster of works focuses on the overall trends in the transition of epochs and the turning points. The third area of research relates to psychological and philosophic aspects which are intertwined with creative work. The fourth subject area features views on transition patterns through genre interconnections within the literary process itself. Ultimately, when it comes to dialectics of controversies which push the literary culture forward during a transitional period western researchers turn to the central issue of changing philosophic and literary ideologems.

Then we provide arguments to support the dominant role of a conflict between sense and sensibility in literary groups in Russia between 1690 and 1810: a drift from Barocco to pre-Romanticism. It was determined that the role of literary culture as a unifying ground during the transitional periods is facilitated by ideology, which in the 18th century revolved around the dynamic correlation between the notions of Duty and Virtue. Duty and Virtue determine the correlation between external (state and ideological) and internal (psychological) facets to the literary culture in the era of modern time in Russia. Duty and Virtue are intertwined and overlap in the *Weltanschauung* constructed by Russian literature in the 18th century. The unity of Duty and Virtue is characteristic of nearly all the historic and literary periods between 1700 and 1810.

Ultimately the dialogue of ideologems of Duty and Virtue brings about an utopia of a specific state as well as personal Optimism.

Key words: literary culture, Russian literature in the 18th century, literary trends in Russia between late 17th and early 19th centuries, ideological concepts in literature.

Введение. Целью настоящей статьи является исследование комплексной картины основных феноменологических идеологем отечественной литературной культуры 1690–1810-х гг. в контексте как внутренней поэтики (система литературных направлений), так и внешней (общие закономерности генезиса и эволюции литературной культуры России интересующей нас эпохи).

Роль литературной культуры как примирителя в переходные периоды стимулируется, как нами выявлено, идеологией; в русской ситуации интересующей нас эпохи это — динамическое соотношение концептов Долга и Добродетели.

Долг и Добродетель определяют связь и взаимодействие внешнего (государственно-идеологического) и внутреннего (психологического) аспектов в литературной культуре России Нового времени. Долг и Добродетель постоянно переплетаются и взаимопроникают в той картине мира, которую создает русская словесность XVIII в. Союз концептов Долга и Добродетели характерен и показателен фактически для всех периодов историко-литературного процесса 1700–1810-х гг. Наконец, диалог идеологем Долга и Добродетели приводит, уже в самые первые годы Нового века, к утопической теории особого, как государственного, так и личного, Оптимизма.

При том, что хронологические системные обзоры общей картины русской словесности XVIII в. уже предпринимались в разного профиля научно-теоретических и научно-методических разработках (в том числе через призму динамики литературных направлений), целостная панорама концептов литературной культуры этой эпохи все еще к настоящему моменту не воссоздана, что обуславливает новизну нашего феноменологического подхода.

Методология. Литературная культура — термин достаточно молодой для литературоведения и системы взаимосвязанных с ним гуманитарных наук (см., к примеру, такие исследования, как: [Николаев; Лазарчук; Сазонова; Алексеева]).

Между тем само явление, определяемое термином «литературная культура», — одно из наиболее динамичных и точно передающих целый комплекс процессов, происходящих в мировой культуре и истории. Особенно ярко потенциалы литературной культуры проявляют себя в т. н. «переходные периоды», характеризующиеся быстрой сменой нравственно-эстетических установок, нередко — и определенными кризисами в ощущении людьми истории и современного состояния мира.

Система явлений и процессов в литературной культуре позволяет говорить о двух взаимосвязанных сторонах этого феномена. С одной стороны, особенно в переходные / переломные периоды, налицо предрасположенность ситуации к различным контрастам, конфликтам. Более глубокий уровень рассмотрения выявляет и противоречия, образующие нередко своеобразные антонимичные пары, по закону единства и борьбы «+» и «-». Но при этом, с другой стороны, высшее назначение литературной культуры – предложить / создать те или иные пути примирения, снятия и(ли) гармонизации таких противоречий.

Очень показательной представляется русская литературная культура XVIII столетия – первого века Нового времени в России. К изучению этого периода неоднократно обращались авторитетные специалисты из целого ряда других национальных культур. На наш взгляд, это также очень значимое обстоятельство. Литературную культуру России XVIII в. можно и нужно рассматривать как одну из характерных страниц в общей книге мировой истории и культуры. Полученные в ходе ее системного анализа наблюдения и выводы свободно применимы к изучению динамики литературной культуры в другие периоды развития цивилизации человечества. Именно в конце XVII – начале XIX вв. как «столкнулись», так и взаимодействовали, порождая новое качество, две глобальные модели культурно-исторического развития – Запад и Восток. Вместе с тем, уже внутри истории России, XVIII столетие стало любопытным преддверием современных процессов глобализации, когда целые «волны» реформ и изменений поставили под вопрос незыблемость прежних, национально замкнутых установок. В связи с последним сразу же сформировалась необходимая любой культуре в подобной ситуации дилемма: либо полностью «охранить» / оградить себя, либо попытаться вступить с новыми законами в диалог.

При сочетании синхронного и диахронного подходов ведущие методы нашего исследования – системный, сравнительно-типологический, историко-функциональный.

Основная часть.

I. Литературная культура как диалог противоречий: основные аспекты западной славистики в связи с русской литературой XVIII – начала XIX в.

Процессы диалога противоречий в литературной культуре протекали одновременно достаточно бурно и протяженно. Со-

временные западные слависты потому и отмечают длительный характер изменений, начавшихся на рубеже XVII – XVIII вв. в России, при анализе литературной культуры порубежья XVIII–XIX столетий. Среди ведущих, базисных показателей литературной культуры ими выделяются: своеобразный «религиозный эклектизм», «поиск духовной истины в источниках всех времен и народов» [Fagginato: 49–50] и общий «эпистемологический перелом» мировоззренческого характера с переходом от классики просветительской мысли к новому знанию [Egeberg].

Переходность литературной культуры – диалектический контраст разных начал, к таким выводам приходит большинство ученых. Рассмотрим подробнее.

Первую смысловую группу образуют концепции, авторы которых исследуют переходность в русской литературной культуре XVIII в. через призму соотношения «центра» и «периферии». Центром предстает западная цивилизация. В диалог с ней, через освоение новационных моментов, вступает «периферия» – изменяющаяся Россия (показательны научные труды, охватывающие в анализе предельно широкий спектр явлений в происходящем – от переосмысления руссоизма до вопросов полемики с западной «садоводческой философией» [Barran; Schönle]).

Вторая научная школа представлена исследованиями, анализирующими общую ситуацию «перехода / слома эпох» (ряд характерных примеров мы привели в недавнем обзоре выше).

Третье направление современных научных поисков – изучение психолого-мировоззренческих аспектов, тесно связанных с феноменологией писательского творчества. Показательна, особенно в плане анализа возникающих в литературной культуре динамических противоречий, гипотеза о соотношении истины и вымысла в словесности и ее нравственных установках [Dehne: 107–130].

Четвертое русло интересующих нас концепций – представления о закономерностях переходности через диалог жанровых моделей внутри самого литературного процесса (в равной мере уделяется внимание поэзии и прозе, например русской одописи [Egeberg: 41–54], а также – генезису русской романистики [Baudin]).

При рассмотрении диалога жанров существенным представляется филологам и вопрос о взаимодействии типов цивилизаций / культур, через пути культурного импорта. При

этом также проявляют себя переходность и ее противоречия в литературной культуре (любопытны работы, посвященные музыкальным и театральным аспектам [Klein 1984: 1–19; Alewyn], а также мифопоэтике сновидений на переходах между народной / фольклорной и церковной традициями [Ford]).

Наконец, говоря о диалектике противоречий,двигающих литературную культуру в ситуации переходного периода, западные специалисты выходят к ключевой проблеме смены философско-литературных идеологием [Бобрик: 37–55] (именно в этом аспекте выстраивает свою концепцию Й. Клейн в итоговой монографии [Клейн 2005]).

Какие тенденции сходились и расходились внутри словесности? Какие в итоге сложились главные диалектические противоречия, которые литературе предстояло снять, разрешить? Именно здесь проявляет себя феномен создания нового качества через противоречия в литературной культуре.

II. Литературная культура: ключевые диалектические противоречия (на материале системной картины истории русской литературы XVIII в.).

Внутри различных стилей, направлений и явлений русской литературы XVIII в. центральным выступает диалектическое противоречие «разум — чувство». Для первой трети столетия, периода барокко и предклассицизма, типично зыбкое равенство двух этих начал, как в трактате Ф. Прокоповича «De arte poetica». С одной стороны, здесь утверждается решающая роль свободы вымысла, с другой стороны, подготавливается и приоритет будущего классицизма: идея о следовании «рассудку правил» (на материале развития русской трагедии интересны наблюдения в исследовании: [Смолина]).

Преемником таких представлений стала теория Лирического Восторга М. Ломоносова. «Разум способен управлять миром и чувствами, но сам имеет смысл лишь в диалоге с ними» — такова формула русского классицизма. Теперь Разум осознается как начало, «большее или равное» Чувству. Характерна формула, предложенная в «Оде на взятие Хотина» М. Ломоносова: «Восторг внезапный ум пленил...» [Ломоносов 1972а: 123]. Известны и признания А. Сумарокова в «Эпистоле о стихотворстве» касательно бессилия, минимум — полусилы, разума, *ratio* в мире, «проэлектризованном» и чувствами: «Коль хочешь то писать (здесь: постичь истину мироздания. — А.П.), так прежде ты влюбись!» [Сумароков: 166]. А. Сумарокову принадлежит и заслуга «перевода» проблемы «рассудка —

чувств» в области не только эстетики и теоретической поэтики, но и культуры и истории искусств, о чем его трактаты «О стихотворстве камчадалов», «Слово на открытии Академии художеств» и некоторые другие.

Начиная от торжественных светских речей Ф. Прокоповича и первых сатир А. Кантемира все более существенна в диалектике проблемы «Разум — Чувство» и роль Просвещения. К примеру, у Н. Новикова концепция «воспитания ума и образования сердца» прямо соотносится с представлениями о прогрессе. Для просветительского реализма второй половины XVIII в. — это уже аксиома, особенно в контексте идей исследования и преобразования типического характера в экспериментальных обстоятельствах [Борев]. Поэтика «прелгательных пьес», «высоких комедий», сатирико-просветительских журналов находится от этого в прямой зависимости.

При сохранении знака «больше или равно» между Разумом и Чувством нормативное искусство сентиментализма меняет вектор его направления. Лидером, точкой отсчета становится Чувство. Как и в случае с европейской литературной культурой, можно говорить о целой «психологической революции», но уже со своим национальным колоритом [Kotschetkova 2005: 717–726; Reflections: 7–18]. Нормативность сохраняется в сентименталистской поэтике благодаря второму полюсу — полюсу Разума.

В параллельном измерении сосуществует с сентиментализмом предромантизм. Оба направления связаны с философией сенсуализма в системе «человеческая личность — человеческое чувство» [Neuhäuser: 11–39; Западов]. Именно благодаря этим представлениям становится возможным и развитие иных взглядов на соотношение рационального и эмоционального начал в искусстве, литературе и познании мира.

В основе системы сентиментализма лежит понятие «чувствительности». Это — основа как познания мира, так и его преобразования через искусство. «Чувствительность», в диалоге с европейским литературным движением, понимается при этом как «возбужденное внешним миром движение души к сострадательности» [Кочеткова 1994]. С этим связано в творчестве писателей-сентименталистов и новое понимание Природы и феномена Добродетели во внутреннем мире человека [Пашкуров].

В предромантизме в центр ставится понятие «личностной рефлексии» (в философской лирике Н. Карамзина — «священ-

ная меланхолия»). Это — промежуточное звено между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма [Barrat: 125–135]. Главные роли закрепляются за концептами Мечты и Гения. Символический образ Мечты обуславливает в предромантизме отличающийся от романтизма оптимистический гуманистический пафос («мир как Чудо»). Через превознесение личности как Гения намечается выход к философско-эстетическим представлениям о «беспредельности» мира [Федосеева].

Сентиментализм и предромантизм связаны с новыми представлениями об историческом процессе и решающей роли духовно-нравственной составляющей в нем. В журнальных эссе 1770–1800-х гг. частотны размышления о национальной истории как истоке «пленительной унылости» и средоточии «чувствительной добродетели» [Петров]. Зачинателями складывающейся традиции нового историзма выступают в это время именно писатели, связанные с сентиментализмом и предромантизмом: М. Херасков («Россияда»), М. Муравьев («Разговоры в царстве мертвых»), Н. Карамзин («чувствительные повести», такие, как «Наталья, боярская дочь», а также «История Государства Российского»). Велико было при этом и значение древнерусской житийной традиции.

Сентиментализм и предромантизм в русской словесности объединены также рядом смежных, переходных явлений. Ярким примером может служить т. н. «меланхолическая школа» в русской философской лирике рубежа XVIII–XIX вв.

Однако в итоге в предромантизме добавляется новый, более сложный уровень: это — идея т. н. «иррационального», «над-рассудочного» начала (развитие свое она получит в трудах эстетиков романтизма: у П. Георгиевского, Л. Якоба и др.).

Творчество Н. Львова, М. Муравьева, Г. Державина — эпицентр процессов.

* * *

Снятие / разрешение возникающих и развивающихся противоречий становится возможным благодаря тенденциям гармонизации в литературной культуре. В этом контексте существенно также значение уникального явления евразийства (о современном состоянии проблемы см.: [Орлова; Евразия; Ерасов; Нигматуллина; Разживин; Буранок]).

Расхождение, пестрота и контрастность различных течений и идей в ситуации отечественной словесности XVIII в. (противоречивые соотношения религиозного и светского начал, ди-

намика рассудочного и эмоционального в русском классицизме и др.) подталкивают литературу, с одной стороны, к кризису. Однако, с другой стороны, при этом существенно возрастает роль цивилизаторского ядра культуры. То, что прежде существовало как теневая база процессов, постепенно выходит на первый план и выводит историко-литературный процесс на новые уровни.

При обращении к вопросам формирования, проявления и развития гармонизирующего начала в русской литературной культуре XVIII в. необходимо обратиться и к вопросу влияния новой словесности на внелитературный контекст. Прежде всего здесь речь идет об оформлении единой национальной идеи, больше того — целой системы идеологии, оказывающей централизующее влияние. Для русского XVIII в. лидирует в этом плане диалог концептов Долга и Добродетели. Союз этих понятий-идеалов приводит и к развитию новой жизненной позиции — особого высокого (утопического) Оптимизма.

III. Литературная культура как примиритель. Система идеологии и единая национальная идея.

Долг и Добродетель определяют связь и взаимодействие внешнего (государственно-идеологического) и внутреннего (психологического) аспектов в литературной культуре России Нового времени.

Для панегирической одописи М. Ломоносова или высоких трагедий А. Сумарокова Долг — во многом философско-политическое понятие. Это — одно из ключевых проявлений Идеала, Абсолюта. Иное — в новой дидактико-психологической лирике М. Хераскова, в прозе становящегося русского сентиментализма, в учении предромантиков о Гении, который пересоздает мир. Для всех явлений литературной культуры этого спектра очевиден другой эталон: Добродетель, воспетая в одноименной дидактической оде М. Хераскова («О добродетели»). Долг ориентирован на гармонию мироздания, а Добродетель, как видится Н. Карамзину, лидеру отечественной литературы 1780–1810-х гг., — это искупление дисгармонии через духовное страдание, как в знаменитой «Бедной Лизе»: «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...» [Карамзин 1979а: 30].

Тут-то и кроется диалектическое противоречие, объясняющее интенсивное творческое развитие словесности России Нового времени. Чем дальше расходятся идеологемы Долга и Добродетели, тем они внутренне и сущностно ближе.

Начнем с того, что понятие Добродетели как внутреннего этического стержня преобразования мира на началах Гармонии свободно проявляется еще у М. Ломоносова. Потому и написаны в его панегирике императрице Елисавете Петровне (ода 1747 г.) символические строки: «Душа Ея Зефира тише, / И зрак прекраснее рая...» [Ломоносов 1972б: 131].

Неразрывна с этим и философия Долга. Характерную для позднего Просвещения вариацию мы находим в трагедии второй половины XVIII в. — у Я. Княжнина в «Вадиме Новгородском». Дочь новгородского посадника объясняет свою любовь к чужеземному спасителю родного города тем, что Долг и Добродетель в ее любимом человеке едины: «Не князя в Рурике, я Рурика люблю...» [Княжнин: 108]. При возрастающем влиянии просветительских идей вырисовываются такие интересные закономерности:

1. Долг может принимать как внешнее (общественное) обличье, так и внутреннее, личностное.

2. Внутренний Долг осознается постепенно как наиболее действенный путь обретения истинного понимания общественного Долга.

3. Союз внешнего и внутреннего в идеологии Долга обеспечивает прогресс как общества, так и личности. Цепочка эволюции и преемственности очевидна: от классической русской одописи — к концепциям просветительской журналистики и драматургии середины XVIII в., а дальше — к открытиям отечественного просветительского реализма (кстати, все обозначенные нами выше положения находят свое продолжение в монологах Стародума в пьесе Д. Фонвизина «Недоросль»).

Масонство, второе наряду с Просвещением значимое учение, переводит идеологему Долга во «внешне-внутренний» аспект: следование Долгу перед «архитектором Вселенной», Богом, очищает душу посвященного масона и вновь возвращает мир к гармонии духовного прогресса, как это постулируется и в масонских гимнах.

Добродетель как целостная идеология приходит в русской литературной культуре XVIII в. к таким итогам:

1. Внутреннее совершенствование человека невозможно без следования общественным идеальным нормам (от нравственно-политических установок Ф. Прокоповича в связи с культивированием личности и деятельности Петра Великого — до известной теории «общественного человека» в творчестве А. Радищева, например в «Дневнике одной недели»).

2. Внутреннее совершенство личности — залог как ее успешной карьеры в мире, так и ее высокой гражданственности. «Вы вольны, счастливы — стоною только я...» [Княжнин: 146] — к такому пониманию Добродетели как гражданского самопожертвования приходит герой Я. Княжнина Рурик. «Прикладное», положительно-корыстное понимание человеческой добродетельности мы наблюдаем в русских повестях 1700—1710-х гг. (в «Истории о российском кавалере Александре» это проявляется яркими диссонансами даже на стилистическом уровне. Как только кто-либо из героев преступает нравственность, заполняют страницы этого очень неровного стилистически произведения парадоксальная «эстетика блуда» и околотелитературная простонародная лексика).

3. Добродетель — наиболее прямой и верный путь к самопознанию. Закономерен призыв М. Ломоносова в одной из его поздних од 1750-х гг.: «Везде исследуйте всечасно, / Что есть велико и прекрасно <...>» [Ломоносов 1954: 132].

4. Добродетель в высшем проявлении — это Гармония и обретение Истины и Бога. В соотнесении с идеей синтеза искусств мы увидим подобное понимание мира в предромантической оде Н. Львова «Музыка, или Семитония», где это искусство даже «<...> Несчастливых душу облегчает / Отрадней, теплою слезой <...>» [Львов: 259].

Как видим:

а) Долг и Добродетель постоянно переплетаются и взаимопроникают в той картине мира, которую создает русская словесность XVIII в.

б) Союз концептов Долга и Добродетели характерен и показателен фактически для всех периодов историко-литературного процесса 1700—1810-х гг. Позже это найдет свое отражение, например, в этической программе В.А. Жуковского.

Наконец, диалог идеологом Долга и Добродетели приводит, уже в самые первые годы Нового века, к утопической теории особого, как государственного, так и личного, Оптимизма. Такое понимание мира прекрасно передано еще в этико-бытовом кодексе «Юности честного зеркала»: «<...> но прямо, а не согнувшись ступать и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством <...>» [Домострой: 163].

Завершающая фаза философии Оптимизма — утверждение решающей роли личности, объединившей Долг и Доброде-

тель, в преобразовании народа, государства и всего мира. Поэтому и подводит Н. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» такой итог: «Тот дворянин, кто за многих один...» [Карамзин 1979б: 127] (современный филолог А. Петров предлагает говорить применительно к рассмотрению карамзинской эпохи даже о философии и этике особого «исторического чувства» как стержне литературно-философского менталитета России [Петров]).

Выводы и перспективы.

1. Различные уровни / подсистемы культуры нередко достаточно медлительны в ходе процессов идущих изменений. Поэтому в пособиях начала XVIII в. («Приклады, како пишутся комплименты разные», «Юности честное зеркало») и сохраняются весьма активно традиции древнерусских произведений такого профиля (прежде всего «Домостроя»). Точно так же и классицизм определяет официальное лицо русской архитектуры практически на протяжении всего столетия, в то время как в литературе очень значительно трансформируется уже к 1740–1750-м гг. (почему и неверен постулат В. Белинского о русской словесности XVIII в. как господстве «ложно-классицизма»).

2. Протекающие в разных подсистемах культуры процессы образуют своеобразное диалектическое «кольцо», при соотношении начала и конца XVIII в.

Для первого десятилетия XVIII в. очень актуальна барочная концепция «храмового синтеза искусств» (словесность, риторика, (крюковая) музыка, храмовая архитектура, живопись-иконопись — см.: [Сазонова]).

Для конца XVIII и начала XIX вв. типичны:

а) включение данных других искусств в произведение [Львов];

б) освоение авторами-энциклопедистами разных искусств как комплекса (в случае с кружком Н. Львова — Г. Державина: живопись, театр, музыка, с подключением данных ботаники, минералогии и геологии, пчеловодства и др.).

3. Если в начале XVIII в. еще были возможны синкретизм, нерасчлененность литературы с другими искусствами (что соответствовало барочной идее познания мира через хаос и пестроту контрастов), то со второй половины процесса (не позднее 1760-х гг.) главенствующие позиции занимает уже синтетизм. Это — сознательное соединение разных искусств в одну систему при полном понимании и признании их отдель-

ного, самостоятельного характера (здесь ориентиром для писателей в такого рода экспериментах становится поэтика предромантизма).

Литература

Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С.-Петербург: Наука, 2005. 369 с.

Бобрик М.А. От рационализма к эпохе чувствительности // *Russian Linguistics* 17. 1993. P. 37–55.

Борев Ю.Б. Просветительский реализм // *Теория литературы*: В 4 т. Т. 4: Литературный процесс. Москва: Наследие, 2001. С. 205–211.

Буранок О.М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01, 10.01.03. Самара, 2013. 524 с.

Евразия. Культуры, народы, религии, 2001. № 1–2.

Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. Москва: Наука, 2002. 524 с.

Западов В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. С.-Петербург: Имка-Пресс, 1995. 79 с.

Карамзин Н.М. Бедная Лиза // *Карамзин Н.М.* Повести. Москва: Советская Россия, 1979. С. 23–37

Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени // *Карамзин Н.М.* Повести. Москва: Советская Россия, 1979. С. 114–137.

Клейн Й. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 577 с.

Княжнин Я.Б. Вадим Новгородский // *Княжнин Я.Б.* Избранное. Москва: Правда, 1991. С. 97–152.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. С.-Петербург: Наука, 1994. 282 с.

Лазарчук Р.М. Литературная культура последней трети XVIII века: Диалог столицы и провинции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. С.-Петербург, 2000. 55 с.

Ломоносов М.В. Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года // *Русская поэзия XVIII века.* Москва: Художественная литература, 1972. С. 123–130.

Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // *Русская поэзия XVIII века.* Москва: Художественная литература, 1972. С. 130–136.

Ломоносов М.В. Ода, в которой Ее Величеству благодарение приносится... // Ломоносов М.В. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1954. С. 126–133.

Львов Н.А. Музыка, или Семитония // Русская литература последней четверти XVIII века. Москва: Просвещение, 1985. С. 259–260.

Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: ФЭН, 1997. 212 с.

Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. 151 с.

Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. Москва: Норма, 1998. 275 с.

Пащуков А.Н. Поздний русский сентиментализм: Диалог идиллического и элегического. Казань: Казанский университет, 2010. 127 с.

Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века. Магнитогорск: МаГУ, 2006. 288 с.

Разживин А.И. «Чародейство красных вымыслов». Эстетика русской предромантической поэмы. Киров: ВГПУ, 2001. 96 с.

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. Москва: Языки славянских культур, 2006. 904 с.

Смолина К.А. Русская трагедия. XVIII век. Эволюция жанра. Москва: Наследие, 2001. 208 с.

Сумароков А.П. Эпистола о стихотворстве // Русская поэзия XVIII века. Москва: Художественная литература, 1972. С. 164–178.

Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма. Москва: МГОУ, 2006. 158 с.

Юности честное зеркало... // Домострой. Юности честное зеркало. С.-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. С. 147–206.

Alewyn R. Das grosse Welttheater. Die Epoche der höffischen Feste. München, 1985. 320 s.

Barran T. Russians read Rousseau, 1762–1825. Evanston: Northwestern UP, 2002. 235 p.

Barrat G.B. The melancholy and the wild... // Studies in Eighteenth century. Vol. 3. Cleveland – London, 1973. P. 125–135.

Baudin R. Formation et poetique du roman russe au XVIII-e siècle: le systeme romanesque des annees... Paris, 2002. 315 p.

Dehne M. Die Legitimation der Lüge in Karamzin's "Ilja Muromec" // Die Welt der Slaven, 2002. Bd. XXVII. S. 107–130.

Egeberg E. "Der Herzenszar" – die Ode zwischen Klassizismus und Romantik // Scando-Slavica, 1985. Bd. 31. S. 41–54.

Fagginato R. Религиозный эклектизм в России на рубеже XVIII–XIX вв. // Study Group on eighteenth-century Russia. Newsletter. 2002. № 30. P. 49–67.

Ford J. Coleridge on Dreaming: Romanticism, Dreams and the Medical Imaginations. Cambridge University Press, 1998. 204 p.

Klein J. Trompete, Schalmei, Lyra und Fiedel. Poetologische Sinnbilder im russischen Klassizismus // Zeitschrift für slavistische Philologie, 1984. Bd. 44. S. 1–19.

Koschetkova N.D., Lehmann-Carli G. Aspekte der Pietismus-Rezeption bei den Moskauer Freimaurern (1780-er Jahre). Funktionale Kontexte und typologische Analogien // Interdisziplinäre Pietismus-forschungen, 2005. Bd. 17/2. S. 717–726.

Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B., Brohm S. (Hrsg.). Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825). Wissenschaftliche Redaktion: Birgit Scholz. Berlin: Berlin-Verlag Arno Spitz GmbH, 2001. 679 p.

Neuhäuser R. Periodization and classification of sentimental and preromantic trends in Russian literature between 1750 and 1815 // Canadian contributions to the seventh international Congress of Slavists. The Hague, Paris, 1973. P. 11–39.

Reflections on Russia in the Eighteenth Century. J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Cologne; Weimar; Vienna, 2001. P. 7–18.

Schönle A. The Ruler in the Garden. Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang. Russian Transformations: Literature, Thoughts, Culture. Vol. 1. Series Editor: Andrew Kahn, University of Oxford, 2007. 396 p.

References

Alekseeva N.Yu. Russkaya oda: Razvitie odicheskoy formy v XVII–XVIII vekakh. S.-Peterburg: Nauka, 2005. 369 s.

Bobrik M.A. Ot racionalizma k epokhe chuvstvitel'nosti // Russian Linguistics 17. 1993. S. 37–55.

Borev Yu.B. Prosvetitel'skij realizm // Teoriya literatury: V 4 t. T. 4: Literaturnyj process. Moskva: Nasledie, 2001. S. 205–211.

Buranok O.M. Tvorchestvo Feofana Prokopovicha i rusko-zarubezhnye literaturnye svyazi pervoj poloviny XVIII veka: Diss. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01, 10.01.03. Samara, 2013. 524 s.

- Evraziya. Kul'tury, narody, religii, 2001. № 1–2.
- Erasov B.S.* Civilizacii. Universalii i samobytnost'. Moskva: Nauka, 2002. 524 s.
- Zapadov V.A.* Literaturnye napravleniya v russkoj literature XVIII veka. S.-Peterburg: Ymka-Press, 1995. 79 s.
- Karamzin N.M.* Bednaya Liza // Karamzin N.M. Povesti. Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1979. S. 23–37.
- Karamzin N.M.* Ryczar nashego vremeny // Karamzin N.M. Povesti. Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1979. S. 114–137.
- Klein J.* Puti kulturnogo importa. Trudy po russkoj literature XVIII veka. Moskva: Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 577 s.
- Knyazhnin Ya.B.* Vadim Novgorodskij // Knyazhnin Ya.B. Izbrannoe. Moskva: Pravda, 1991. S. 97–152.
- Kochetkova N.D.* Literatura russkogo sentimentalizma. S.-Peterburg: Nauka, 1994. 282 s.
- Lazarchuk R.M.* Literaturnaya kul'tura poslednej treti XVIII veka: Dialog stolicy i provincii: Avtoreferat ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. S.-Peterburg, 2000. 55 s.
- Lomonosov M.V.* Oda blazhennyya pamyati gosudaryne imperatrice Anne Ioannovne na pobedu nad turkami i tatarami i na vzyatie Khotina 1739 goda // Russkaya poeziya XVIII veka. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 123–130.
- Lomonosov M.V.* Oda na den' vosshestviya na Vserossijskij prestol Yeyo Velichestva Elizavety Petrovny 1747 goda // Russkaya poeziya XVIII veka. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 130–136.
- Lomonosov M.V.* Oda, v kotoroj Yeyo Velichestvu blagodarenie prinisitsya... // Lomonosov M.V. Stikhotvoreniya. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1954. S. 126–133.
- L'vov N.A.* Muzyka, ili Semitoniya // Russkaya literatura poslednej chetverti XVIII veka. Moskva: Prosveshhenie, 1985. S. 259–260.
- Nigmatullina Yu.G.* Tipy kul'tur i civilizacij v istoricheskom razvitiitatarskoj i russkoj literatur. Kazan': Fen, 1997. 212 s.
- Nikolaev S.I.* Literaturnaya kul'tura Petrovskoj epokhi. S.-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1996. 151 s.
- Orlova I.B.* Evrazijskaya civilizaciya. Moskva: Norma, 1998. 275 s.
- Pashkurov A.N.* Pozdnij russkij sentimentalizm: Dialog idillicheskogo i elegicheskogo. Kazan': Kazanskij universitet, 2010. 127 s.
- Petrov A.V.* Stanovlenie khudozhestvennogo istorizma v russkoj literature XVIII veka. Magnitogorsk: MaGU, 2006. 288 s.
- Razzhivin A.I.* "Charodejstvo krasnykh vymyslov". Estetika russkoj predromanticheskoj poemy. Kirov: VGPU, 2001. 96 s.

Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 904 s.

Smolina K.A. Russkaya tragediya. XVIII vek. Evoluciya zhanra. Moskva: Nasledie, 2001. 208 s.

Sumarokov A.P. Epistola o stikhotvorstve // Russkaya poeziya XVIII veka. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 164–178.

Fedoseeva T.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya literatury russkogo predromantizma. Moskva: MGOU, 2006. 158 s.

Junosti chestnoe zerczalo... // Domostroj. Junosti chestnoe zerczalo. S.-Peterburg: Izdatelskij dom "Azbuka-klassika", 2008. S. 147–206.

Alewyn R. Das grosse Welttheater. Die Epoche der höffischen Feste. München, 1985. 320 s.

Barran T. Russians read Rousseau, 1762–1825. Evanston: Northwestern UP, 2002. 235 p.

Barrat G.B. The melancholy and the wild... // Studies in Eighteenth century. Vol. 3. Cleveland – London, 1973. P. 125–135.

Baudin R. Formation et poetique du roman russe au XVIII-e siecle: le systeme romanesque des annees... Paris, 2002. 315 p.

Dehne M. Die Legitimation der Lüge in Karamzin's "Ilja Muromec" // Die Welt der Slaven, 2002. Bd. XXVII. S. 107–130.

Egeberg E. "Der Herzenszar" – die Ode zwischen Klassizismus und Romantik // Scando-Slavica, 1985. Bd. 31. S. 41–54.

Fagginato R. Religioznyj eklektizm v Rossii na rubezhe XVIII – XIX vv. // Study Group on eighteenth-century Russia. Newsletter. 2002. № 30. P. 49–67.

Ford J. Coleridge on Dreaming: Romanticism, Dreams and the Medical Imaginations. Cambridge University Press, 1998. 204 p.

Klein J. Trompete, Schalmei, Lyra und Fiedel. Poetologische Sinnbilder im russischen Klassizismus // Zeitschrift für slavistische Philologie, 1984. Bd. 44. S. 1–19.

Kotschetkova N.D., Lehmann-Carli G. Aspekte der Pietismus-Rezeption bei den Moskauer Freimaurern (1780-er Jahre). Funktionale Kontexte und typologische Analogien // Interdisziplinäre Pietismus-forschungen, 2005. Bd. 17/2. S. 717–726.

Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B., Brohm S. (Hrsg.). Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825). Wissenschaftliche Redaktion: Birgit Scholz. Berlin: Berlin-Verlag Arno Spitz GmbH, 2001. 679 p.

Neuhäuser R. Periodization and classification of sentimental and preromantic trends in Russian literature between 1750 and 1815 // Canadian contributions to the seventh international Congress of Slavists. The Hague, Paris, 1973. P. 11–39.

Reflections on Russia in the Eighteenth Century. J. Klein, S. Dixon, M. Franje. Cologne; Weimar; Vienna, 2001. P. 7–18.

Schönle A. The Ruler in the Garden. Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang. Russian Transformations: Literature, Thoughts, Culture. Vol. 1. Series Editor: Andrew Kahn, University of Oxford, 2007. 396 p.

Сведения об авторе: Алексей Николаевич Пашкуров; доктор филологических наук; Казанский федеральный университет; профессор; профессор кафедры русской и зарубежной филологии; anp.72@mail.ru; сфера научных интересов: русская литература XVIII в., литературные направления в России конца XVII – начала XIX в.

The author's profile: Aleksey Nikolaevich Pashkurov; Doctor of Philology; Professor; Kazan Federal University; Professor of the Department of Russian and Foreign Philology; anp.72@mail.ru; field of scientific interests: Russian literature of the 18th century, Russian literary trends at the end of the 17th – the beginning of the 19th centuries.